

Игорь Шестков "Окно"

иллюстрации выложу позже, извините

ОКНО

Берлин 2017

Так я решил назвать мой маленький графический архив.

Рисовать я начал еще студентом, двадцати лет от роду.

Рисовал и те долгие десять лет, которые отработал в научно-исследовательском институте после МГУ. Это позволило мне прожить эти годы без надрывов и кризисов.

Я стоял у своего невидимого «окна» в метафизический мир и наблюдал... Видел свободные формы, удивительные ландшафты, нездешние города, улицы, на которых не было плакатов с изображением Ленина, видел непонятные конструкции... парящие башни... видел Будду и Христа, ангелов и дьяволов, загадочных птиц и насекомых с других планет, преследующих крылатого человечка. Этим человечком был я.

Рисовал и в эмиграции, устраивал выставки, кое-что продавал, но в конце двадцатого века – разочаровался в своих художествах и уничтожил почти все, что нарисовал. Без сожалений. Несколько ранних работ уцелели. Уцелели и цифровые фотографии. Я сделал из них подборку, которую публикую в этом каталоге.

Для памяти.

Приятно вспоминать и обсуждать то, чего больше нет. То, за что ты не несешь больше ответственность. Так, вероятно, обитателям Некрополиса приятно поговорить о тех временах, когда они еще жили и действовали.

И еще мне было интересно разобраться в том, как связаны мои ранние картинки и мои тексты. Есть ли тут какая-то преемственность, или скорее наоборот,

невольное или сознательное отторжение... В процессе работы над каталогом я обнаружил и то и другое. Как всегда – простых ответов нет даже на самые элементарные вопросы.

Малый тираж каталога избавляет меня от укоров совести – хотя я и предлагаю другим то, от чего сам отказался.

Графические работы в каталоге – пронумерованы. Всего их – 106. Номера эти в тексте я пишу в скобках. Номера не отражают хронологию создания картинок.

СИРЕНЕВАЯ ПОЛИФОРМА (3)

Эта неловкая картинка, почти схема, датирована 1979 годом. Тушь и акварель.

Подобные картинка я сам для себя называл высокопарно – «полиформами».

Потому что тут не одна форма, а много небольших форм, соединенных в нечто вроде кома... или места... или местности... карты.

Вертикальная конструкция-карта висит на графическом небе... внутри нее копошатся формы... появляются, растут, пропадают. Различные формы... абстрактные, конкретные... треугольники, полосы, арочки, птички, фигурки, глазки...

«Полиформа» — это портрет человека внутреннего... метафора его сознания...

Мне хотелось, чтобы малые формы – при наблюдении картинка – переплавлялись или, как тогда говорили, пресуществлялись в нечто не похожее на примитивную схему... Чтобы глазик становился удивлением, домик – судьбой, орнамент – речитативом.

Когда я наблюдал подобные картинка – так и происходило...

Мне тогда... под гнетом советчины... мне, человеку, живущему двойной жизнью, казалось, что я могу как бы свернуть существование в такую полиформу, освободить его от реалий советского быта, от советской идеологии, советской ментальности, которая была мне крайне враждебна, обжигала душу... давила.

Да, мне действительно казалось, что, рисуя подобные формы, я освобождаюсь от советчины. Что этот новый, метафизический, полуабстрактный мир – моя новая среда обитания... мой новый дом, и новая форма жизни.

Я не только рисовал... медленно... не торопясь... под музыку Баха или Малера... не только рисовал подобные конструкции, но и путешествовал по ним...

Переходил с одного этажа на другой... перемещался из одного эмоционального состояния в другое... преображался... становился маленьким крестиком, треугольником, загогулиной, аркой. Попадал в странные истории... истории квадратиков и кружочков.

Сейчас мне все это кажется жалкой попыткой убежать от мира... спрятаться, но тогда, когда навязчивая советская реальность каждый день была палкой по голове... Тогда для меня рисование подобных конструкций было единственной возможностью выжить. Да-да, я жил в этом убогом, формальном, схематичном графическом мире, в моей новой среде обитания... в мире первичных образов... и научился находить в нем особые радости.

Сейчас я живу в своих рассказах. Вместе со всеми своими многочисленными двойниками и фантомами. Тут теплее. Но опаснее.

ПОЛИФОРМА КРЕСТООБРАЗНАЯ (4)

Эта картинка тоже нарисована тушью и акварелью. Это тоже полиформа. Но только это... нечто кристаллизующееся или уже кристаллизованное.

Странствовать по такой «местности» трудно. Можно порезаться. Внутреннего разнообразия в ней меньше, чем на сиреневой работе. Формы превратились тут в графические кристаллы.

И внешняя форма этой конструкции... как бы под воздействием непонятных сил, начала кристаллизоваться. И затвердела... крестом.

1978-й год.

Мне двадцать два года. Я только что закончил московский университет.

Который не дал мне ничего, только – спасибо ему и за это – позволил свободно порисовать... подумать, почитать книги, походить в Пушкинский музей, насладиться старинным искусством и любовью моих милых подруг. Да, в свои 22 года я был еще совсем зеленым... хотя кое что знал, кое что видел, кое что уже пережил. Я не понимал мира, не понимал самого себя, но был очень

высокомерен, настроен крайне эзотерически... до наглости. Эта крестообразная штрихованная конструкция... так выглядело мое христианство. Да, такое, бездушное, формальное...

Христос был тогда для меня не человеком и не богом, а какой-то абстрактной фигурой, живым кристаллом, который физиологически на меня действовал, приводил в экстаз. Не Нагорной проповедью. Не притчами. И конечно не воскресением, в которое я никогда не верил. Спаситель был для меня чем-то вроде говорящего сапфира.

Этот экстаз... трудно назвать его религиозным... скорее это был экстаз юности, жестокий, угарный. Да, это был именно угарный экстаз неопита, только что вылупившегося из яйца, но вообразившего, что философский камень висит у него на шее как кулон...

ПАРА (7)

Это небольшая, почти квадратная работа датирована 1981-м годом.

Тушь и красная гуашь. Или акварель, уже не помню. Скорее акварель, только не жидкая, а густая.

Эта работа тоже может быть названа полиформой. Но в ней уже важны не только маленькие, «играющие» формы, живущие самостоятельной жизнью. Тут важно и «содержание»... большие формы, составляющие «пару»... потусторонних влюбленных... так и не сумевших воплотиться.

БАБОЧКА (15)

Это рисунок 1985 года. Тушь и карандаш. Сделан, очевидно, не без влияния Михаила Шварцмана.

Я жил тогда в московском аду и мечтал о высшем мире, Небесном Иерусалиме, Касталии.

Как я тогда надеялся, подобной работой можно было попытаться «привлечь» высшее существо... спровоцировать его на то, чтобы оно спустилось с

метафизических небес... и «вошло» в рисунок, оплодотворило его, показало себя...

Я понимаю, как глупо и самонадеянно это звучит... инфантильно... почти безумно... Но другой надежды – как-то преодолеть советскую тягомотину, избавиться от ее всепроникающей гнусности, приобщиться к прекрасному... у меня не было. Единственное место в Москве, свободное от советчины – Пушкинский музей изобразительных искусств – я посещал иногда по три раза в неделю, но мне было этого мало...

Я нарисовал эту «Бабочку» и мне показалось, что высшее существо действительно показало в ней себя, пусть и не во всей полноте, а только чуть-чуть, или – понарошке.

Ангелы, архангелы, серафимы... всегда представлялись мне биологическими или графическими конструкциями... Я представлял их себе похожими на бабочек или стрекоз... Разумеется, у меня получилась только крохотная часть того, что я хотел показать... Рука моя так и не стала никогда рукой мастера... я мог только контуром... эскизно... изобразить то полное волшебных глубин существо, что видело мое духовное око.

Я не знаю, увидит ли зритель в моей бабочке – ангела, но я вижу... и старые мои надежды, от которых давно не осталось ни следа... вдруг загораются голубоватым огоньком, и мир становится немного менее скучным, тяжким и материальным...

Многие мои рассказы иногда кажутся мне не прозой, а эскизами прозы... контурами... Каждому времени – свои глубины. Хуже нет этих надуманных, искусственных, из пальца высосанных «глубин» современного романа. Все мы, новые люди, только эскизы человека, скорлупки... мы пластиковые бабочки... у нас нет больше ни богатого внутреннего мира, ни судеб... из нас нечего вытягивать романисту. Кроме кишок.

КИКЛАДСКИЙ ФАНТОМ (17)

Эта работа датирована 1985-м годом. Она принадлежит к «Черной серии» рисунков, которые я делал в конце 1985 года и в начале 1986-о. Зимой. Тогда эти рисунки казались мне проходными... теперь я понимаю, что некоторые из них – лучшее, что я смог нарисовать.

Я вижу контур... почти иконный, богородичный...

Но «содержание» этого рисунка, конечно, не православное...

Только контур иконный и... печальный глаз, похожий на глаз Богоматери Владимирской из Третьяковки. Эта византийская икона – одно из самых красивых и проникновенных изображений, которые я в своей жизни видел.

Удивительно нежный, странный взгляд у этой Богородицы. Это и материнство, и эротика, и мировая скорбь.

Когда я рисовал, не думал о Владимирской иконе...

Рисование происходит на каком-то другом уровне, спонтанно... рисуется само...

без мыслей, без концепций. Форма строится сама из себя... Начинается рисование с простой кривой... кривая эта звучит как струна... дополняется другой кривой – другим звуком, потом появляются темные или светлые пустоты (резонаторы), белые формы растут, кое где напрашивается симметрия. В результате появляется образ, который... невозможно объяснить... это не мистика, не религия... Нечто близкое нашей душе... Самой чувствительной, трепещущей ее части. Графика рождается на границе – между «я» и «совсем не я», на границе познаваемого и непознаваемого, на границе дня и ночи.

В сумерках.

Там возникают образы, которые с одной стороны, еще узнаваемы... с другой стороны они уже — не от мира сего...

Текст – это тоже нечто сумеречное.

ФАНТОМ (18)

Эта работа тоже принадлежит к «Черной серии», датирована 1983-м годом. Есть два варианта этого рисунка, маленький (18) и большой (29).

Технически она сделана также, как и предыдущая работа. Я рисовал зеленой

тушью на акварельной бумаге, потом сушил ее лампой. Затем заливал всю поверхность рисунка черной тушью и, после нескольких минут просушки, мыл бумагу струей воды, под душем. Черное сходило там, где под ним было зеленое. Получалось белое на черном.

Белое на черном... немного напоминает привидение... хотя... когда я рисовал этот образ и другие «черные» работы, я думал не о привидениях, а о каком-то высшем существе, которое смотрит на нас, слышит наши речи, читает наши мысли, что-то вроде ангела смерти...

Я никогда не верил в религиозную галиматью, но, как будто назло собственному материализму, ощущал присутствие подобного существа. Или маски, которая смотрит на нас из темного угла вселенной.

Сейчас я уже человек не молодой, подобные представления кажутся мне смехотворными... они упрощают мир. Сами посудите... я тут живу, грешу... а кому-то ТАМ... в Царстве Небесном, в аду или в раю... небезынтересно то, что я делаю, что думаю. Слишком большая честь!

Но с другой стороны... без этого необъяснимого странного взгляда со стороны – наша жизнь была бы другой... Еще более примитивной и скучной...

Да, это конечно юношеская романтика... но в ней есть то, чему завидует мудрая старость... в ней есть образ и надежда.

КИКЛАДСКИЙ ИДОЛ (19)

И эта работа принадлежит к «Черной серии». Называется она «Кикладский идол», потому что напоминает так называемые «кикладские сковороды». Этот рисунок датирован 1984-м годом. Тушь. Заливка. Синий карандаш.

Странное, мистическое изображение.

Я представлял себе тогда эту конструкцию – огромной, многокилометровой скульптурой из света и тьмы... которая висит где-то далеко... на чужой планете... и смотрит на обитателей этого чужого мира... втягивает в себя...

Полукосмический, полудьявольский образ... идол.

Мои первые рассказы написаны в частности и для того, чтобы отойти от подобных представлений подальше... но в моих «поздних» текстах я к ним возвращаюсь.

АНУБИС-СОВА (20)

Эта работа датирована 1986-м годом, и называется «Анубис-Сова». Сейчас я бы назвал ее просто «Совой».

Хотя это на самом деле не важно... Все эти названия мало что говорят о содержании или форме работы.

Я не могу вспомнить, что меня тогда, в далеком 86-м году побудило к созданию подобного образа. Но я могу сказать, кого мне эта работа напоминает сейчас.

Эта работа напоминает мне маму. Внешне никакого сходства у Совы с моей мамой нет. Мама была красивая... с правильными чертами лица... у нее не было таких выпученных глаз... такого носа. Но в маме была — также как и в этой сове — какая-то ярость... сила. Иногда это приводило к скандалам... было мучительно. А иногда проявления этой ярости были блестящими... прекрасными свидетельствами маминого мужества, ее пронизательности, ее жизненной силы. Мама не утруждала себя редактированием формулировок, сюсюканьем и политкорректностью. Когда надо — била наотмашь мерзавцев-карьеристов, резала правду-матку на собраниях нечестивых, лупила агрессивных лицемеров промеж бодливых рогов.

Для меня существо, которое я изобразил, – разрушитель порочной и лицемерной жизни, которую туповатое большинство вечно пытается оправдать, всовывая в нее искусственные смыслы. Трухлявые, лживые смыслы...

Люди в своей слепоте жертвуют всем ради денег, комфорта, славы, хлопочут, стараются, вкалывают, а потом... При первом же контрударе судьбы... вдруг прозревают. И вся бессмысленно загубленная жизнь встает перед нами немим укором во всей своей наготе... во всем своем убожестве.

КОРОЛЬ (26)

Это большая черная работа тушью 1986 года. В это переходное время меня носило по каким-то странным мирам. В одном из них мне встретился этот Король.

Горбачев уже пришел к власти, но та грандиозная метаморфоза, или буря в советском помойном ведре, которую мы сейчас называем «перестройкой» еще не началась. Смутное время. Мы все чувствовали грядущие изменения. Мы знали, что страна изменится. Что это неизбежно. И мы тоже изменимся. В то же время я не верил в позитивные изменения. Как показала недавняя история – обоснованно. Формы государственного сосуда изменились, а содержание его – желчь и смертельная вода – осталось прежним. Таким же, каким оно было при Ленине, Сталине, Брежнев. Были надежды. Несбыточные. Чуть позже появились кое-какие книги. Где-то, в невидимых кабинетах и саунах уже началась дележка между мерзавцами – они делили богатства СССР. Мы об этом еще ничего не знали, жили... как всегда.

Этот рисунок появился из-за того же, из-за чего появились все мои рисунки советской поры – из стремления как можно дальше уйти от окружающей действительности.

Его тело – камень. Кристалл. Его голова напоминает барабан. Из него растут то ли кресты, то ли клюшки для гольфа. Носа у Короля нет, вместо него – что-то вроде щели. Нет губ. Маска. Живые – только глаза. Они выражают настороженное ожидание. Это настроение того времени.

Может быть это – «Король Чума»? Не знаю. Когда нарисовал этот образ, сам удивился. Думал о том, как же я объясню этот рисунок друзьям... Я часто пытался в кухонных беседах интерпретировать свои рисунки, хотя и понимал, что это бесполезно... каждый все равно все воспринимает по-своему. Графика, какой бы законченной они ни казалась, нуждается в воображении и фантазии зрителя. Он интуитивно доделывает то, что не нарисовано, он завершает работу художника, создает в своем сознании свой образ произведения. Его-то он и запоминает, его-то и оценивает.

Художник подает, зритель отбивает... в этой игре – главная прелесть искусства. И рассказ тоже доделывает, дописывает не автор, а читатель. И без этой новой

живой ткани, без эмоционального леса, выращенного читательской массой – текст мертв.

АСКЕТ (31)

Это тоже работа 1986 года.

Старец? Монах? Христосик? Аскет. Изможденный добровольным постом.

Изувер. Глаза-велосипеды смотрят как на иконе. С укоризной. Крепкий орешек?

Нет.

Такие типы до сих пор встречается на Руси. Редкие птички, но все еще не вымерли. Все они «переполнены Святым духом», все они знают одну единственную «правду». И смотрят на остальных недружелюбно, осуждающе.

Они – добровольные судьи мира и его плотских грехов. И возможные его палачи. Они считают себя патриотами России. Надевают на себя черные мешки с бесконечными крестиками, вышитыми белой ниткой. Заделываются странниками. Тычут другим в глаза хоругвями, юродствуют.

Они хотят уничтожить веселящийся, танцующий западный мир, потому что сами живут вечной холопской тягостной и нищей жизнью под тяжелой пятой воровской власти.

Крайне неприятно мне в этом признаваться, но истина дороже. И такой демон жил во мне. И иногда весьма ядовито себя показывал – я, например, саркастично поучал уехавших за границу друзей. Пенял им на их эгоизм, сребролюбие и желание блудить. До сих пор горло першит от собственной глупости. Как бы ни хотел эту поганую страничку из своей книги жизни выкинуть... но не могу.

Жёг этот внутренний обвинитель и меня. Но мой живот и то, что под ним, были сильнее его. Не дали ему меня сцапать В конце концов я его в себе разглядел и нарисовал. Этаким спасомордым аскетом.

Но каждый раз, когда смотрю на этот рисунок, смущаюсь...

Почему во мне вдруг разгорается старый спор?

Ведь это только рисунок... почти детский... бумажка.

И на самом деле это не спор аскета и обжоры, праведника и блудного сына, нет, это спор ложного добра с ложным злом.

ШПИОН (24)

Это еще одна работа «Черного цикла».

И тут присутствует иконный или кикладский контур. Но на сей раз я вписал в него отдаленно напоминающее вытянутые лица Модельяни непонятное лицо.

Что-то в нем есть от инопланетянина... смотрит оно на зрителя закатанными глазами...

Маленькие губки... нечеловеческий носик... многозначительный крест...

На фоне зловещего графического «леса».

Рахитический образ... не без демонизма.

Это не человек конечно и не ангел...

Демон?

Да. Он презирает мир...

Я в те годы часто чувствовал себя подобным существом. «Шпион» – еще одна моя личина. Хотя внешне я на него ничуть не был похож... Он был одним из демонов, живших во мне. Главный из семи. Или из семисот семидесяти семи.

Высокомерный изгой. Чужой. Чуждый миру и его обитателям с их idiotскими сварами. Я ощущал себя подобным существом, прекрасно понимая, что не имею никакого права так относиться к людям, к миру... даже подозревал, как японцы, что я инопланетянин, случайно заброшенный в тело советского мальчика, живущего на Ломоносовском проспекте.

Жизнь тысячу раз ткнула меня в дерьмо... и доказала, что она сильнее меня, что моему презрению ее не осилить, что скорее она меня уничтожит, чем позволит смотреть на себя глазами подобного существа...

Особенно странное чувство я испытываю, когда замечаю, что именно этот тип продиктовал мне некоторые сардонические пассажи в моих рассказах.

СФИНКС (27)

Это работа 1986 года. В своем каталоге 1996 года я назвал ее «Немезида». В этом рисунке я использовал наработанные к тому времени графические элементы: Зерна, лабиринты, клетки, кресты, каплевидные растительные формы... Но главная графическая конструкция этой фигуры заимствована мной у моего дальнего родственника, скульптора-конструктивиста Наума Габо. Есть у него женский торс, составленный из обрезанных плоскостей, одна из первых его конструктивистских работ. Когда я рисовал «Сфинкса», я конечно о Габо и не думал. Но когда рисунок был готов – узнал в нем работу знаменитого американского родственника, хорошо знакомую мне с детства по книгам и репродукциям.

Я действительно хотел нарисовать что-то вроде сфинкса. Но только не с фараоньей отстраненностью в облике... а с яростным напором в глазах. Мне хотелось, чтобы зритель, глядя на эту работу, ощущал давление какой-то мрачной космической силы...

Сейчас же мне кажется, что сила эта очень даже земная... что так смотрит на человека Россия. Да, именно так смотрела на меня, на всех нас, моя родина. И также смотрит и сейчас. С печалью и яростью.

У нее нет рта, чтобы улыбнуться...

У нее нет носа, чтобы ощутить собственную вонь...

У нее есть только глаза...

Мы все жили под их тяжёлым взглядом.

Он не был взглядом Большого брата. Телевизионного, английского, технического...

Нет, тут была безнадежность испорченного, загаженного пространства...

загаженного человека... бессмысленность и гнет империи... кретиническая суровость начальников. Сила, тяжесть... никогда не находившая себе нужного применения и обрушивающаяся на головы людишек...

Спасения от этого взгляда не было.

Главный ужас всех моих рассказов, действие которых происходит в России – не в описываемых ужасных событиях, а в этом грозящем, страшном, безнадежном взгляде родины.

БАШНЯ (30)

Это работа 1985-86 годов. В центре – крест, еще один крест, перевернутый, выше, и еще один – ниже. Это башня. Внизу ее – театральная маска. И ворота. В эти ворота мне тогда очень хотелось войти, и не возвращаться.

Я представлял себе, что это ворота в другие измерения, в иную реальность... подозревал, что за ними находится главная сокровищница мира... нет, не материальные сокровища там хранятся, а сотканные из более тонких субстанций, чем материя, сокровища души. Небывалые радости и экстазы. Тайны.

Я представлял себе, что за центральным крестом – находится источник жизни. Или источник смерти.

А сама башня – защищает вход в потустороннее.

Дерево познания добра и зла? Иггдрасиль? Башня Будды?

Для каждого фрагмента башни – я могу с большим или меньшим успехом назвать ассоциативный источник формы. Но я не знаю, откуда пришел главный образ.

Когда я дорисовал башню, когда вышел из процесса... тут же задал себе этот вопрос и... не смог ответить. Но сразу же ощутил, и продолжаю это чувствовать и сейчас, что то, что я нарисовал – как-то связано с нашим коллективным-бессознательным... что любой человек несет в себе с рождения интуитивное знание о «Башне», стоящей на границе миров... у входа в неведомое.

Впрочем, возможно, это моя иллюзия, и равнодушный взгляд современного человека не увидит в этом изображении ничего, кроме кривых, крестов, да треугольников, да кружочков...

КРЕСТ И АНГЕЛ (33 и 34)

Две композиции – «Крест» и «Ангел» – нарисованы акриловой краской на досках в начале 80-х годов. Размер досок – 75 x 50 см.

Эти работы случайно сохранились в частном собрании. Их владелец прислал мне фотографии. Всего я сделал – около тридцати подобных композиций, многие из них были выставлены в восьмидесятые годы в залах московского Горкома Графики на Малой Грузинской улице на так называемых «Общих» выставках художников-нонконформистов.

Мне тогда так нравились оттенки голубого и фиолетового, что казалось – даже простейшая форма из этих цветов будет играть и лучиться как звезда.

Так это и происходило.

Только видели это немногие.

Моя вина.

Эти работы не лучшие из тех, тридцати.

Когда я задумал покинуть Россию, хотел взять хотя бы десяток подобных досок с собой. Даже ездил на пробу с несколькими работами в какое-то учреждение... разрешающее или не разрешающее художнику вывести свои работы из СССР... кажется на заднем дворе Третьяковки был вход... забыл. Какая-то тетка с свинячьими глазами посмотрела на мои голубые композиции и сказала важно: Художественной ценности они не представляют, но вывозить их в загран мы не позволим.

Вот так. Разговор окончен.

Поэтому все эти работы пропали. Кроме трех из частного собрания.

Сейчас я этой тетке благодарен. Тут, на Западе, они бы никому не понравились.

А возни было бы много, уж очень эти доски тяжелые.

ВЕСЕЛАЯ КОМПОЗИЦИЯ (13)

Эта акварель нарисована в 1991 году. Уже в эмиграции.

Немного лучше моих первых работ, но все еще неловкая. Рисовал я тонкой кисточкой. Работал «не акварельно», брал на кисточку много краски, старался «спаивать» цвета. Это тоже полиформа. Но она не «втягивает в себя», как первые мои опыты, она, наоборот, «выходит из себя», на зрителя.

Она сделана не для того, чтобы позволить автору или зрителю «пожить» в ней.

Она кокетничает со зрителем, хвалится перед ним... Посмотри, тут крылышко... а здесь кривые, треугольники, потоки цвета... тут и сила, и краска, и свет, и энергия... Эта работа красуется... она – красotka.

В то время, в 1991 году, я жил в Кемнице, который позже, в рассказах, называл «городом К». На этой картинке можно даже найти мой тогдашний адрес...

справа, наверху. Жил в абсолютной изоляции. Почти без языка, без знакомых и друзей. В плохой, сто лет не отремонтированной квартире, среди алкоголиков, безработных и неофашистов... Обстановка в этом городе была для меня, нежелательного пришельца, – почти враждебной. Покинуть его я не мог – не было средств, не было никого, кто мог бы помочь...

Не сразу, но понял, что не смогу тут жить жизнью скромного научного сотрудника без претензий, так, как я жил на родине. Все гэдээровские ученые были тогда безработными... Стало ясно, что весь мой московский путь:

Математическая школа, мехмат МГУ, 10 лет работы в Институте механике – вся моя советская жизнь – все это пошло коту под хвост, и никак не поможет мне тут, в Германии... Что нужно начинать с нуля... приспособливаться... становиться другим человеком.

Но также стало ясно и то, что теперь я могу всерьез заняться графикой. Могу рисовать. Вволю. Всерьез. Мешать не будут. И я рисовал, рисовал, рисовал... жадно... стараясь «добрать» все, что не добрал во время советской жизни.

Естественно, я хотел привлечь к себе внимание. И эта работа своими насыщенными цветами, экспрессивными линиями как бы призывала:

Посмотрите, я кое-что умею. Я нарисовал для вас башню моей жизни. Метафору моего восторга. Она гордо возвышается над вашим серым городом. Я воскресаю, я горю, я живу...

И мой призыв, мой крик, мой стон – услышали. И помогли. И выставили. И даже приняли через год в Союз художников Саксонии.

ИУДА, ААРОН И МОИСЕЙ (35, 37, 38)

Это литографии.

Отпечатаны в мастерской при Новой Саксонской Галерее в Кемнице в 1997 году.

У этой галереи был тогда на удивление добрый директор – Вернер Балларин.

Это он спас меня от одинокого и бессмысленного прозябания на чужбине – организовал у себя мою первую в Германии выставку. В 1992-м году. Большую, залов на пять.

Я был конечно горд... парил как горный орел. Не понимал очевидные вещи...

То, что с одной стороны, современное западное искусство уже превратилось в профанацию, коммерческий беспредел... и говорить об этом тошно...

А с другой стороны – немецкие графики, живущие на территории бывшей ГДР, были гораздо опытнее и глубже меня... задиристого московского самоучки. За ними стояли Дюрер и Кранах, и Грюневальд, и Босх... и Гросс, и Шад, и Шлихтер... А за мной – одни иконы, Врубель, Габо, Шварцман и передвижники...

Так что, несмотря на выставку и живые деньги от нескольких проданных работ – никаких шансов у меня не было.

Особенно хорошо я это понял, когда тот же Балларин опубликовал к моему сорокалетию цветной каталог моей графики. Я полистал его и неожиданно для себя осознал, что большим художником никогда не стану. Расстроился, понятное дело. А Балларин задумал меня утешить и поощрить – и в один прекрасный день подарил мне три литографских камня, краску и листов сто потрясающей бумаги. Предоставил отдельный кабинет для работы.

Вечером следующего дня впрочем камни должны были быть готовы. Литограф уже ждал их рядом с прессом.

Я до этого никогда литографий не делал... не знал, с чего начать, куда двигаться.

Часа два сидел и глядел, глядел на камни, которые все больше становились похожими на надгробья, которые я видел на еврейском кладбище в Кемнице.

А потом сами собой нарисовались три национальных типа... похожие на моих родных.

Это эскизы к так и неосуществленному «Фризу жизни». Существуют только в виде файлов. Нарисованы в годы 1994-95. Все 75 x 50 см. Акрил на картоне, аэрограф.

Иногда я смывал еще не засохшую краску – тряпочкой или ладонью.

Мой хороший знакомый, человек со средствами, уже купивший у меня две или три работы – решил заказать для своей гостиной фриз. Драматический. С философской начинкой. Я сделал эти эскизы (всего должно было быть около 20 работ), не очень заботясь об их философской стороне.

А знакомый разорился...

Я показывал эскизы на многочисленных выставках.

Две работы купили – от них даже фотографий не осталось. Одну работу я подарил Балларину. После его смерти ее продали на аукционе. Все остальные картоны собственноручно уничтожил в 2012 году.

Посмотрел на них после длительной паузы... И они мне не понравились.

Уничтожил-то я их уничтожил, но из своего сознания я эти образы выкинуть так и не смог... Хотя эти изображения – только несовершенные материализации тех грандиозных и значительных фигур, которые показали мне себя... тогда, в середине девяностых, в моей большой мастерской в городе К. во время трансцендентальных медитаций, которым я страстно предавался, чтобы не умереть от чувства омерзения, которое вызывала у меня окружающая действительность.

Типы эти или «архетипы» присутствуют и в моих рассказах. Чаще всего как незримые свидетели происходящего. Читатель их конечно не видит, не чувствует... но для меня, автора, их молчание громко как гром... а их невербальное присутствие – иногда важнее сюжета, стиля, развязки.

СТРАСТИ (53 – 72)

Этот цикл рисунков аэрографом сделан в годы 1995-96. Размер большинства этих рисунков – 40 x 30 см.

Половину этих работ я уничтожил в 2012 году. Или раньше.

Слишком горячи...

Изображения эти – мучительные попытки изобразить то, что мы так тщательно скрываем и от других, и от нас самих, то, что нам мерещится в страшных дневных снах, то, что манипулирует нами, как деревянными куклами. То, чему мы не можем противостоять.

Человек во время коитуса выходит из себя, буквально превращается в чудовище, которое не прочь заняться духовным каннибализмом или аутофагией.

Демоны пола значительно древнее и могущественнее нашего беспомощного рацио... И они любят демонстрировать нам свою силу, а наши жалкие потуги контролировать ситуацию – только удесятерят их лютость.

Я никогда не боролся с демонами... я позволял им жить во мне. Только изредка – выгонял их на бумагу.

ДВЕ КОМПОЗИЦИИ (77, 78)

Это работы выполнены на легких, хорошо просушенных досках. Акрил. Размер – 50 x 50 см.. Сделаны они в 1992 году, к моей первой выставке в Германии.

Это две части триптиха, который я позже подарил своей старшей дочери Ольге. Триптих этот висит в ее гостиной.

Работы эти (а также две следующие работы каталога – 79 и 80) отражают ту краткосрочную эйфорию, которую я испытал, когда узнал, что вскоре состоится моя первая персональная выставка. Жизнь моя мгновенно изменилась... хотя декорации и остались прежними.

Я все еще был пленником страшного умирающего города.

Жена моя каждый вечер плакала. Тосковала по Москве, по нашей уютной квартире с книгами и пианино... по оставленным друзьям.

Дочь мою в школе дразнили «русской свиньей».

Мы жили на социальное пособие.

А некоторые аборигены намекали... что... мол... зря вас всех тогда не послали в газовую камеру...

На что я им отвечал, что... жалко мол, что Красная армия всех вас, мерзавцев, не перебила.

Но... стоило мне узнать, что я кому-то понадобился... и вселенная обрела утраченные краски... В сердце залучилась надежда...

По небу полетели чудесные конструкции.

В то же славное время я нарисовал аэрографом ряд утопических композиций «из света». Рисуя, вспоминал исихастов. Позже я все эти работы уничтожил. В каталоге представлены две такие работы – «Перламутровая конструкция» (81) и «Голубая башня» (82).

Они материализуют мою мечту.

Такой я хотел бы видеть вселенную...

СПУСК НА ЗЕМЛЮ (90 – 106)

(иллюстрации к моим рассказам)

«Спуском на землю» с метафизических высот стала моя проза после долгих, почти бесплодных исканий в графике.

От кристаллов и контуров я вернулся к людям и их мелким делишкам...

Спустился с башен... в гостиные и спальни.

Слова – эти мешочки смысла – заменили линии, предложения и абзацы – формы.

А сгустки слов образовали характеры литературных героев и ожили вместе с ними.

Застрекотало словесное кино... герои зашагали по словесным дорогам... в сторону апофеоза... и за него, за границу текста... подальше от автора.

Я обещал сам себе, что никогда больше рисовать не буду. Но года три назад нарушил обещание, и нарисовал несколько иллюстраций к рассказам... Потом надоело. Потому что мои рассказы – и есть иллюстрации к самим себе и не нуждаются в дополнительном визуальном ряде.

Нацарапал их на планшете.

Рисовал как можно просто... по-детски... исключительно для собственного удовольствия. Хохотал и радовался...

Разумеется, когда я читаю свой рассказ, я представляю себе что-то другое. Но в тот момент, когда я царапал...

И еще несколько слов.

«Химерический портрет» (5) – одна из первых моих работ.

После него я нарисовал еще несколько «красных» композиций (6, 7, 8, 10).

А два картона «Чудовище» (75) и «Глаза в лесу» (76) – это две мои последние работы. После них уже почти не рисовал. Как видите, это тоже своего рода «полиформы». С чего начал, тем и кончил.

Одну работу я, впрочем, сделал позже... по заказу знакомого галериста в Брауншвайге. Для выставки, приуроченной к ЕХРО-2000 в Ганновере. Триптих из полиэстера. 300 x 150 см.. Коллаж на тему «Человек – Природа – Техника». С претензиозным названием «Техника или Видение скакуна». В каталоге я репродуцировал две его створки (81).

Попробуйте, разгадайте этот ребус.

Портрет моей второй жены Ирины (1) я нарисовал, когда особенно сильно любил ее. Мне он кажется очень поэтичным.

Свой Автопортрет (2) я нарисовал в Дрездене, во время Августовского путча. Поэтому я такой мрачный. Жена с дочкой были в это время в России. Я боялся, что больше их никогда не увижу. Не знал, как жить дальше. Но зарекся, ни при каких обстоятельствах, в Россию не возвращаться. И не возвратился. Только четыре раза был там как турист, каждый раз по недельке. Навестил маму, повидал друзей, уладил кое-какие делишки и пофотографировал. И все четыре раза радовался, когда наконец покидал бывшую родину. Так она за неделю осточертевала.

Коллажи (84 – 89) я сделал в конце девяностых годов. Назвал серию из двенадцати работ – «Власть ножниц». Показал ее на одной из своих выставок. Никаких особенных «смыслов» в этих изображениях нет. Может быть, поэтому, все они позже пропали.

В 2000 году редактор кемницовского художественного журнала LATERNE использовал их с моего разрешения как иллюстрацию для текста «Считаться с Богом». Номер (второй за 2000 год) у меня сохранился. Я их оттуда перефотографировал для каталога. Оригиналы были лучше!

Вставил я их в каталог потому, что неожиданно «узнал» в нескольких фигурках с этих коллажей некоторых моих литературных героев. Это навело меня на печальные мысли об их, литературных героев, сомнительном происхождении.

Для многих своих рисунков я и название не могу придумать. А те названия, которые я им в каталоге дал... не отражают ничего.

Но что-то тогда, когда я их рисовал, заставляло меня нарисовать именно такие композиции.

Что движет рукой художника, когда он рисует?

Что происходит в его голове во время рисования?

Одно знаю точно – художник как и писатель не идет к результату.

Графика не есть нечто конечное, завершенное.

Это процесс.

Импульс за импульсом... линия за линией... как игрушка за игрушкой на елке...

Только тут идет речь не об украшениях, а о самой елке, ее веточках и корнях...

медленно растущей из самой себя... составляющейся из зачастую

противоречивых форм... изгибающихся... висящих... звучащих...

Так, органично, как деревце, рождается рисунок. Также рождается и рассказ.